КЛАДБИЩЕ КАК МНОГОЗНАЧНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ (на примере Кольского Севера)[1]

П.В. Федоров

Феномен некрополя используется в гуманитарных исследовательских практиках весьма редко. Стереотипы восприятия, включая эмоциональную коннотацию, нередко мешают увидеть многозначность пространства кладбища в культуре. Данная статья представляет собой определенную провокацию, постановку проблемы на фоне регионального материала.

Кладбище как хронотоп

Феноменальность некрополя распознается, прежде всего, вследствие способности кладбища «накапливать» в себе время и порождать совершенно специфическую ситуацию *хронотопа*. Но это аномальный хронотоп, поскольку в его смысловых пределах «физическое» время обретает новое значение: оно замедляет ход и останавливается, превращаясь в вечность. Весь дух кладбищенской культуры противостоит жизненной динамике. Посетитель, пришедший из городской суеты на территорию кладбища, попадает в совершенно иное измерение бытия. Более всего его не может не задевать безжизненность кладбищенского пространства. Здесь, где ощущение времени находит себе новые формы, любое событие из человеческой повседневности нередко нивелируется, теряет свою актуальность или меняет смысл. Проступает иное миропонимание, заставляющее задумываться о бренности всего земного, конечности жизни.

Вместе с тем кладбище не является пустотой, местом «сна и покоя». Своеобразный ход времени здесь напоминает о себе в динамике мемориальной культуры: память, основываясь на вере и чувстве, соперничает с забвением, борется с обезличиванием. Эта динамика, заметная даже прохожему и тем более «вооруженному» исследователю, крайне полезна для проникновения в сущность культуры.

Кладбище представляет собой определенное средство «спасения» памяти, но в силу своих возможностей оно далеко не совершенно. Материальный остаток конкретной человеческой жизни находится на кладбище в преддверии перехода в ничто: рано или поздно он все равно исчезнет. Нередко бытующая среди людей надежда, что каменная надгробная глыба сохранит память о своем «подопечном» бесконечно долго, конечно, наивна. Противостояние вечной жизни и пустоты, памяти и сумерек забвения – таков лейтмотив кладбища как хронотопа.

Хронотоп кладбища, как правило, бывает выделен в ландшафте: его периметр обносится оградой, причем, место под него может выбираться в определенном удалении от населенного пункта («новое» кладбище Мурманска), на его окраине («старое» кладбище Мурманска, с. Варзуга, пос. Териберка), а то и «за водой», на острове (г. Кола).

Кладбище как символическое пространство

Кладбище является пространством *знаков*. Все, начиная от традиции хоронить тела умерших людей в земле до установки памятников и поддержания на них определенного порядка, пронизано символическими смыслами. Представления о *сакральности* кладбища основаны на связи обряда погребения с постулатами религиозной веры, что проявляется в многочисленных маркерах погребальной культуры: облачении покойного, убранстве гроба, расположении могилы, ритуальных действиях, формах архитектурного памятника, графических изображениях и текстах на нем.

Процесс обмирщения культуры приводит к постепенной *десакрализации* погребальной культуры, но не означает отказ от символического: вместо старых канонов рождается гибрид светского и религиозного символизма. Так, в период советских гонений на Церковь православные кресты подменялись звездами и портретами умерших. В постсоветский период, когда вновь наметился православный ренессанс, портреты усопших стали размещаться на фоне крестов, которые вновь заменили звезды, а то и рядом с изображениями Иисуса Христа.

Светский дух конкурирует на кладбище с религиозным консерватизмом, что выражается, в частности, в усвоении кладбищенским ландшафтом определенных веяний *моды*. На это указывает эволюция надгробного памятника и надгробного портрета: переход от крестов и напоминающих крышку гроба наземных надгробий к металлическим и каменным обелискам и стелам; от фотографий в рамках – к портретам на металлокерамике и гравировке на камне; от черно-белой гравировки к цветной и т.д. Моде подвержена и эпитафия, что хорошо прослеживается на старинном Кольском кладбище. Имевшая изначально религиозный характер, эпитафия постепенно персонифицировалась; став редкостью в советское время, она возродилась в последние десятилетия.

Как символическое пространство, кладбище теснейшим образом связано с *ритуальными практиками*: причем, не только погребальными (отпевания, похороны и т.д.), но и маргинальными. Отсюда, мы видим пристальный интерес к кладбищам разного рода сект и молодежных неформальных групп, практикующих вандализм.

Значительные поправки в представления о сакральности внесла еще российская революция. Особым элементом в системе советского символизма и формой «святости» стали останки новых «мучеников» – погибших борцов за Советскую власть. Например, в Мурманске в 1927 г. на месте братской могилы узников Иоканьгской тюрьмы было сооружено надгробие в виде трибуны (существующий и поныне памятник Жертвам интервенции), предназначенной для выступавших с пламенными речами местных деятелей.

Символизм кладбища обуславливается также смыслом *потаенного*, реализуемым через личную тайну. На кладбище встречаются практики коммуникации с миром мертвых (через надмогильные «беседы» и рукописные записки к умершим), безымянные памятники (без указания фамилии умершего) и «странные» эпитафии. Как правило, тайно проявляются желания живущих определенным образом устроить свое будущее захоронение, что оформляется в виде завещаний, прижизненных памятников и т.д. Потаенное выражается также в действиях с пра-

хом умершего (возможностью его кремации, перезахоронения, укладыванием в гроб определенных вещей и т.д.).

Символический характер кладбища позволяет ему вовлекаться и в форму *симуляции*. Существует традиция кенотафа (символического памятника) без захоронения тела усопшего (в виду его отсутствия или погребения в другом месте). На городских кладбищах Мурманска есть примеры установки кенотафов погибшим участникам Великой Отечественной войны (памятник М. Бродеру на «новом» городском кладбище), а также жертвам политических репрессий (памятник репрессированным норвежцам[2] на «новом» городском кладбище). По воспоминаниям мурманских старожилов, после окончания Великой Отечественной войны жителями Мурманска практиковались заочные отпевания не вернувшихся с фронта родных: в этом случае на кладбище хоронился небольшой гробик, в который помещался освященный песок. Приморское положение Кольского Севера неизбежно порождает проблему упокоения лиц, погибших в море. В 2002 г. в Мурманске был сооружен мемориальный маяк, в котором в специальных траурных книгах собраны списки моряков, не вернувшихся на берег. Поскольку прах многих из них забрал океан, этот памятник, заменяя собой кладбище, служит символической морской усыпальницей Мурманска.

Кладбище как семейно-родственная традиция

Важную роль играет кладбище в семейно-родственной традиции. Почитание могил старших родственников является современным воплощением известного с древнейших времен *культа предков*. Стремление похоронить родных людей рядом друг с другом порождает потребность резервации семейно-родственных участков. Огороженный участок символизирует «продолжение» дома. На это указывают встречающиеся на современных кладбищах навесные замки или защелки на калитке ограды, а также столы и скамейки внутри ограждения.

«Старое» городское кладбище Мурманска, действовавшее в 1930-е – начале 70-х гг. – в период активного переезда в Мурманск семейно-родственных коллективов из сельской местности, состоит из многочисленных семейно-родственных участков, огороженных высокими оградами. В виду закрытия кладбища в 1971 г. заполнение этих участков так и не завершилось: на месте многих из них осталось незанятое пространство. «Новое» городское кладбище Мурманска, открытое в 1971 г., в меньшей степени отражает привязанность семейно-родственным традициям, на что влияют измельчание семьи и индивидуализация духовной жизни. Высокие ограды здесь отсутствуют вовсе, что связано с введением запрета на огораживание из-за нехватки земельных площадей. Семейно-родственные резервации на «новом» кладбище, хотя и не так часто, но все же устраиваются, благодаря установке низких оград, столов и скамеек, а также маркированию площади могильного участка строительным материалом (плитами, щебнем, цементом и т.д.). Длительное время резервации осуществлялись путем самозахвата земли. В последние годы властями города была разрешена резервация земли по прижизненным договорам оказания ритуальных услуг.

Родственное окружение усопшего способно выражать себя не только в устройстве семейно-родственных резерваций, но и в текстах надгробных надписей

(эпитафий). Роль заменителя семьи или компонента, дополняющего ее, в ряде случаев может играть окружение друзей, земляков, соседей умершего.

Кладбище как модель населенного пункта

Кладбище – «подземная колония», «город мертвых», продолжение того населенного пункта, при котором оно создано. Как в зеркале, в нем отражаются черты поселения: богатство и бедность, власть и подчинение, культура и безликость. Величина и качество надгробия нередко становятся атрибутом социального статуса похороненного. На любом кладбище, подобно поселению, всегда образуется центр, к которому тянутся наиболее заметные и зажиточные горожане. Есть окраины, где обряды погребения совершают менее притязательные люди.

Центр может быть институциализирован храмом, воротами, захоронениями известных деятелей, воинскими, братскими и прочими групповыми захоронениями.

На «старом» кладбище Мурманска центральную часть очерчивает тропинка, пересекающая территорию с севера на юг. Захоронения здесь проводились довольно хаотично, но заметно, что могилы многих влиятельных людей расположены вблизи этой «оси». На «новом» кладбище, с его гигантскими размерами (более 100 га и свыше 100 тыс. захоронений), территория организована более четко: появились целые «кварталы», проезжие «улицы» с наружным освещением. Центрами здесь являются храм Феодоры Цареградской и секторы почетных захоронений. Право погребения на них получают заслуженные горожане в соответствии с утвержденным городской властью статусным перечнем. Однако даже беглый анализ состава захоронений почетных секторов свидетельствует о том, что довольно часто здесь проводятся захоронения лиц, не соответствующих перечню. Можно предположить, что их статус определялся неформальными связями с городской властью и распорядителями кладбища.

Специфика населенного пункта отражается в пространстве некрополя и через связь с разного рода корпоративными и профессиональными атрибутами, присущими данной местности: посредством надгробной символики и эпатифии, «цехового» маркирования земельных участков кладбища, т.е. их закрепления за организациями, учреждениями или другими структурами. Например, на «новом» городском кладбище Мурманска выделены специальные сектора для сотрудников, работающих в системе МВД и на Мурманской таможне.

В советское время не только на военных, но и на гражданских кладбищах могла возникнуть такая форма коллективного погребения, как братское захоронение с установкой общего памятника. На Кольском городском кладбище, например, в общей могиле было похоронено 7 комсомольцев, погибших в 1955 г. в автокатастрофе. Иногда, впрочем, погибших сослуживцев могли похоронить не в братской могиле, а в пределах огороженного или выделенного участка с индивидуальными памятниками для каждого погребенного.

И в том, и в другом случаях видна конкуренция корпоративных, общественных ценностей с семейно-родственными и личными. На «старом» городском кладбище существует обнесенный металлической оградой участок, где похоронены погибшие в результате аварии 14 марта 1955 г. члены экипажа «корабля

№ 705» вместе со своим капитаном М.Е. Иваковым. Размер самого участка практически не оставлял возможности для родственных подзахоронений[3].

Таким образом, кладбище представляет собой модель – идеальное *социометричное поле*, несущее большую информацию о том населенном пункте, при котором оно создано[4].

Кладбище как музей

Кладбище можно представить и своего рода «выставкой» артефактов, музеем. Место захоронения известного человека – это всегда историческая достопримечательность. Своеобразным эталоном выступают столичные музейные некрополи (Новодевичье и Ваганьковское кладбища в Москве, Некрополи Александро-Невской лавры и Волково кладбище в Санкт-Петербурге). Деятельность по выявлению и учету захоронений, представляющих историко-культурную ценность, в провинции уже вполне освоена. Издаются местные обзоры кладбищ, отдельные надгробия включаются в Своды памятников истории и культуры. Данная работа проводится и в Мурманской области, где уже составлены и изданы описания-путеводители по городским кладбищам и местам захоронения Мурманска и Колы, о чем будет сказано ниже. Определенным видом музея-некрополя являются мемориалы на воинских захоронениях (их довольно много в Мурманской области), которые изначально используются не только для совершения ритуальных действий в определенные дни памяти, но и для регулярного посещения их целыми группами экскурсантов. В родственной близости кладбища и музея сокрыт коммуникационный потенциал некрополя как элемента общественной культуры.

Российское законодательство позволяет при наличии соответствующих признаков придавать кладбищам официальный статус объекта культурного наследия. Реализация данной работы невозможна без участия исследователей и заинтересованной общественности. Примером может служить старинное кладбище в г. Коле. В течение 1994–2007 гг. на его территории группа местных энтузиастов-исследователей (П.В. Федоров, А.Н. Синицкий, А.А. Малашенков) проводила выявление и описание надгробных памятников, относящихся к XIX – началу XX в. Собранные материалы позволили в 2007 г. придать кладбищу статус «выявленный объект культурного наследия» и включить его в Свод памятников Мурманской области[5]. До сего времени подобным статусом в Мурманской области наделялись только воинские захоронения. Для муниципальных (гражданских) кладбищ кольский опыт стал прецедентом. В 2009 г. статус «выявленный объект культурного наследия» получили два старинных сельских кладбища, находящихся в с. Варзуге[6]. Остается надеяться, что эта работа будет продолжена.

Кладбище как склад древностей

В предельно допустимом виде десакрализация кладбища наступает при археологическом изучении древних захоронений, когда проявляющийся своего рода «культурный» вандализм отрицает определенные морально-этические нормы ради жажды научного познания: после вскрытия первобытных или старинных погребений археолог извлекает и «инвентаризирует» все их содержимое, которое

в последующем выставляется в виде фотографий, а то и в натуральной форме на всеобщее обозрение. Тем самым, отменяется проведенный когда-то обряд погребения человека, причем, зачастую даже без права на его повторное захоронение. Такое отношение к кладбищу как к «складу древностей» отражается и в специфической научной терминологии: у археологов большие скопления древних захоронений зовутся «могильниками». Став научным предметом, содержимое могил помещается в другое измерение, достигающееся за счет внутреннего преодоления «табу» и подавления страха перед потусторонним. Те же коллизии, по всей видимости, должны сопровождать участников эксгумации трупа при проведении судебно-медицинской экспертизы или посетителей анатомического музея. Поскольку способность к таким метаморфозам дана далеко не всем, отсюда неизбежным становится душевный травматизм, который в некоторых случаях может проявляться в социальном протесте. Можно вспомнить в этой связи инцидент с мумией «алтайской принцессы», вывезенной с целью проведения научных исследований в Новосибирск. Представители местного населения Алтая, требуя возвращения мумии на родину, высказывали мнение, что вывоз «принцессы» послужил причиной землетрясения 2003 года и других несчастий[7].

Подобная волна возмущения возникла и на Кольском Севере вокруг костных останков человека, извлеченных из древнего могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе и выставленных в постоянной экспозиции Мурманского областного краеведческого музея. Состоявшийся в 2008 г. Первый съезд саамов Мурманской области в своем решении высказал предложение о захоронении этих останков на том основании, что они принадлежат представителю коренного малочисленного народа[8]. Дискуссии на эту тему продолжаются.

Кладбище как объект коммунального хозяйства

Социокультурная сущность кладбища окажется неполной, если не рассматривать ее сквозь призму коммунального хозяйства. Коммунальные нормы в чем-то усваивают социальное творчество, но в чем-то конкурируют с ним, нивелируют и стандартизируют его. Расстояние между могилами, возможность или невозможность установки оград, столиков и скамеек, правила подзахоронения, подготовка участков для захоронений и глубина могилы, дренаж, освещение, организация и маркирование секторов, устройство «почетных» участков и т.д. – все это не только диктуется коммунальными нормами, но и нарушается социумом. Действие коммунальной нормы и сопротивление ей – немаловажная сторона феномена кладбищенской культуры, дающая возможность измерить степень оригинальности социального творчества. Показателен уже приводившийся пример с «новым» городским кладбищем Мурманска. Действовавший здесь в течение длительного времени запрет на устройство семейно-родственных резерваций нередко нарушался: то тут, то там возникали огражденные участки с коллективными захоронениями. Тем самым общество доказывало статус семейно-родственных связей вопреки отрицавшей его коммунальной норме.

Кладбище как образ

С феноменом кладбища неразрывно связаны ментальные представления о нем, или образы. Образы кладбища способны окрашиваться в противоположные смысловые тона: от созвучного хронотопу печальных и надрывных эмоций до защитного «черного юмора». У И.С. Соколова-Микитова Кольское городское кладбище предстает этакой машиной времени, с помощью которой писатель видит далекое прошлое: «Судя по литерам на старинных каменных памятниках, не в пример теперешнему времени, рано умирали в этом краю люди…», – пишет он[9]. Совсем иным изображено мурманское городское кладбище близ Мурмашей в комедийном мюзикле «Симка», поставленном по пьесе В. Рябкова «Оператор могильной связи»: возле надгробных памятников зрители видят мистическое место, где обитают души умерших владельцев мобильных телефонов, потревоженные аферой с их SIM-картами[10].

У мурманского поэта Владимира Смирнова в стихотворном цикле «Кольские старины» есть «Монолог колянина, погибшего 400 лет назад». Повествование ведется от лица человека, похороненного на кольском кладбище:

В моем изголовье –
весь Кольский залив.
Святые слова на еловой скрижали.
Печальное ложе слезой просолив,
Простились со мною мои горожане…

Благодаря запечатленному образу, не перестают существовать снесенные кладбища: они продолжают жить как *воспоминание*. Так, воспоминаниями В.Г. Мужикова, Г.М. Бородулина, Б.Н. Блинова и других старожилов Мурманска в культурный ландшафт города были помещены некогда снесенные первые кладбища – у Варничного ручья и на месте парка аттракционов (ул. Капитана Буркова).

Некрополистика на Кольском Севере: опыт и перспективы

Изучение некрополей Кольского Севера ведется со второй половины 1920-х гг. в рамках различных научных направлений.

Первое направление, *археологическое*, связано с исследованием древних захоронений. В 1930 г. была опубликована работа А.В. Шмидта, посвященная результатам исследований могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе[11]. Следом раскопки там продолжил А.В. Цыпленков, который, не являясь профессиональным археологом, проводил их без должной фиксации, в результате чего практически весь обнаруженный им материал (за исключением нескольких предметов, переданных в Московский антропологический музей) оказался утраченным. В послевоенные годы могильник и некоторые другие древние погребения края изучались сотрудниками Кольской археологической экспедиции (Н.Н. Гурина[12], В.Я. Шумкин и др.). По черепу, взятому из могильника, известный советский антрополог М.М. Герасимов провел реконструкцию внешнего облика женщины, жившей в этих местах в древности[13]. В 2011 г. под руководством М.М. Шахновича были проведены раскопки старинного кладбища около Свято-Никольской церкви

села Варзуги (левый берег), где также была применена реконструкция лица по черепу[14].

Второе направление, *этнографическое*, представлено работами о погребальной обрядности и традиционных захоронениях саамов и русских поморов (В.К. Алымов[15], Ф.Г. Иванов-Дятлов[16], И.И. Гохман, Т.В. Лукьянченко и В.И. Хартанович[17] и др.).

Еще одно направление, *социально-антропологическое,* связано с деятельностью по описанию существующих кладбищ. Фактически эта работа началась еще в советский период в рамках подготовки региональных сборников Материала свода памятников истории и культуры РСФСР, которой занимался Всероссийский НИИ культуры. В 1983 г. были изданы Материалы по Мурманской области, но в число учтенных культурных достопримечательностей края в них были включены только 2 захоронения – ученого-биолога И.Г. Юданова на «новом» городском кладбище Мурманска и ученого-геолога Е.К. Козлова на городском кладбище в Кировске[18]. В последнее время эта работа стала проводиться более активно: были напечатаны исследования и описания по кладбищам Мурманска, Колы, Мурмашей и Североморска (П.В. Федоров, А.Н. Синицкий, А.А. Малашенков)[19], «крестьянским некрополям» Терского берега (И.Ю. Шундалов[20]), кладбищу г. Полярного (И.А. Разумова, Э.Д. Агамирзоева[21]) и «новому» кладбищу г. Апатиты (Т.С. Лукина[22]).

Исследования в области некрополистики сопряжены не только с описанием и изучением мест захоронения, но и их реконструкцией и охраной. В рамках *военно-поискового* направления с конца 1950-х гг. отдельными энтузиастами и целыми отрядами исследуются места боев и воинские мемориалы с целью захоронения останков советских военнослужащих, павших в Великую Отечественную войну, подновления и восстановления памятников на их могилах (Л.В. Журин, М.Г. Орешета, К.А. Добровольский, О.А. Земскова и др.)[23].

В 2002 г. члены поискового отряда «Память» г. Полярного на городском кладбище установили памятник-кенотаф на предполагаемом месте захоронения поэта-песенника Я.И. Родионова, являющегося автором стихов очень популярной в СССР «Песни московского извозчика» в исполнении Леонида Утесова[24]. В 2012 г. усилиями местных старожилов, исследователей и священнослужителей было восстановлено некогда исчезнувшее надгробие на старинных захоронениях протоиерея Александра Попова и его жены Анны у стены Благовещенской церкви в Коле[25].

Пока что «белым пятном» в некрополистике Кольского Севера остаются кладбища Кандалакши, Кировска, Полярных Зорь, Оленегорска, Ковдора, Заполярного, Никеля, Ловозера, военных городков и целого ряда других мест. Не охвачены некрополи Мурманского берега и кольской тундры.

Перспективы некрополистики на Кольском Севере должны связываться, прежде всего, с подготовкой фундаментальных и многофункциональных описаний кладбищ на основе полевых исследований и изучения документов по учету захоронений (метрических книг и т.д.). «Продуктами» такой работы могут стать: публикации сводов захоронений конкретных кладбищ и полученных на их основе социометрических данных, отражающих динамику мемориальной культуры и оценку сохранности памятников; подготовленные путеводители и иллюстратив-

ные каталоги по захоронениям, представляющим историко-культурную ценность; составленные обоснования для придания кладбищу и отдельным захоронениям охранного статуса «объект культурного наследия». Не последнюю роль в некрополистике должны занимать социально-антропологические исследования в виде устных опросов участников погребальной субкультуры (мастеров надгробий, кладбищенских служащих и т.д.) и всего населения.

---

[1] Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12–31–01200).

[2] В 2006 г. на «новом» городском кладбище Мурманска был перезахоронен прах норвежца Магнуса Свенсена (1893–1942), ставшего жертвой политических репрессий. Его надгробие представляет собой одновременно и кенотаф, поскольку на нем перечислены имена мурманских норвежцев, кто разделил трагическую судьбу М. Свенсена. См.: На городском кладбище Мурманска открывается памятник кольским норвежцам // Хибины.com: Мурманская область: Сайт. – URL: http://www.hibiny.com/news/ru/archive/7986 (дата обращения: 20.06.2012).

[3] За исключением одной могилы, которая в рамках большой ограды дополнительно была обнесена собственным ограждением, по-видимому, с целью резервации места для ближайшего родственника.

[4] О социометрическом подходе в некрополистике см. подробнее статью П.В. Федорова и А.А. Малашенкова на с. 101–106 настоящего сборника.

[5] Свод памятников Мурманской области. – Мурманск, 2009. – С. 26.

[6] Там же. С. 30.

[7] Мумия «алтайской принцессы» не будет возвращена на Алтай // Алтайский hearthland: Блог о плоскогорье Укок. – URL: http://www.plato-ukok.info/text/234 (дата обращения: 19.06.2012).

[8] Предложения/наказы Совету уполномоченных представителей саамов Мурманской области // Саамский парламент: Сайт. – URL: http://saamisups.ucoz.ru/publ/2-1-0-6 (дата обращения: 09.01.2012).

[9] Соколов-Микитов И.С. Собр. соч. в 4 т. – Л., 1986. – Т. 3. – С. 208–209.

[10] В Мурманске впервые поставили спектакль с черным юмором // Rambler: Сайт – URL: http://news.rambler.ru/6063685/ (дата обращения: 19.06.2012).

[11] Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // АН СССР. Материалы Комиссии экспедиционных исследований. – Л., 1930. – Вып. 23: Кольский сборник: Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. С.119–169.

[12] Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. – М.; Л., 1956; Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. – СПб., 1997. – С. 96–99.

[13] Ушаков И.Ф. Избранные произведения. В 3 т. – Мурманск, 1997. – Т. 1. – С. 22.

[14] Шахнович М.М., Галеев Р.М., Лейбова (Суворова) Н.А., Хартанович В.И. Археолого-антропологические исследования около Свято-Никольской церкви села Варзуги в 2011 году // Север и история: Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции «Четвертые Феодоритовские чтения». – Мурманск-СПб., 2012. – С. 216–228.

[15] Алымов В. Надмогильные памятники поморских рыбаков // Карело-Мурманский край. 1929. – № 2. – С. 21–22.

[16] Иванов-Дятлов Ф.Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января – 11 мая 1927 г.). – Л., 1928. – С. 94–96.

[17] Гохман И.И., Лукьянченко Т.В., Хартанович В.И. О погребальном обряде и краниологии лопарей // Полевые исследования Института этнографии. 1976. – М., 1978. – С. 51–67.

[18] Гринкевич Н.С. Могила ученого-биолога И.Г. Юданова // Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Мурманская область. – М., 1983. – С. 37–39; Калабин Г.В. Могила ученого-геолога Е.К. Козлова // Там же. – С. 65–67.

[19] Федоров П.В., Синицкий А.Н. Кольский некрополь: опыт исторической реконструкции (XIX – начало XX в.). – Мурманск, 2001; Федоров П.В., Синицкий А.Н. Мурманский некрополь. – Мурманск, 2008; Федоров П.В. Некрополь заполярного индустриального города как символическое пространство: к постановке проблемы (на примере г. Мурманска) // Живущие на Севере: опыт и прогнозы: Сб. статей. – Мурманск, 2008. – С. 120–124; Кольский некрополь – памятник истории и культуры северного уездного города России XIX – начала XX вв.: Каталог / Сост. П.В. Федоров, А.А. Малашенков. – Мурманск, 2010; Малашенков А.А., Федоров П.В. Новые находки в Кольском некрополе // VI Ушаковские чтения: Сб. науч. статей. – Мурманск, 2010 и др.

[20] Шундалов И.Ю. Крестьянские некрополи Терского берега Белого моря // Живая старина. – 2007. – № 4. – С. 27–30.

[21] Агамирзоева Э.Д., Разумова И.А. «Город мертвых» в городе воинской славы // Наука и бизнес на Мурмане. – 2009. – № 2. – С. 37–42.

[22] Лукина Т.С. Современные надгробные сооружения: к вопросу об изучении // Наука и бизнес на Мурмане. – 2009. – № 2. – С. 43–48.

[23] См. подробнее: Долг, честь, Отечество, слава / Сост. М.Г. Орешета, О.М. Мисюро, Л.В. Журин, Е.Б. Мерзлякова. – Мурманск, 2009.

[24] Родионов Ярослав Иванович (1903–1943) // Могилы знаменитостей: Сайт. – URL: http://m-necropol.narod.ru/rodionov-yaroslav.html (дата обращения 09.01.2012).

[25] Федоров П.В., Малашенков А.А. Кольский батюшка (к 100-летию со дня кончины протоиерея Александра Попова) // Под сенью Трифона. – 2011. – № 2. – С. 46–47; На благо паствы и народа // Кольское слово. – 2012. – 16 ноября.